

2. ИСТОРИКИ

Е.Н. Мурзанаева

С.А. ЖЕБЕЛЕВ И ЕГО НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

С.А. Жебелев (1867–1941), профессор Петербургского университета, с 1927 г. действительный член Академии наук СССР, был одним из крупнейших представителей российской науки об античности. Обычно рассматривают два больших периода в деятельности Жебелева – дореволюционный (1889–1917 гг.) и послереволюционный (1917–1941 гг.). Однако если исходить из изменений в мировоззрении Жебелева и из периодизации историографии античности, в его деятельности следует рассматривать три периода. Рассмотрим их подробнее.

1. Дореволюционный период 1889–1917 гг.

В этот период деятельности для Жебелева характерен интерес преимущественно к политической истории Греции эпохи эллинизма. Позитивистская позиция была свойственна большинству его работ.

2. Период с 1917 до начала 1930-х гг.

В этот период С.А. Жебелев пишет преимущественно научно-популярные работы для широких народных масс.

3. Период с начала 1930-х гг. и до последних дней жизни.

Интересы Жебелева перемещаются в область изучения Северного Причерноморья.

На протяжении всей своей жизни Жебелев сохранял неизменный интерес к античной истории, так как считал историю Древнего мира истоком развития мировой цивилизации. В дореволюционный период интересы Жебелева были сосредоточены главным образом на изучении политической истории Греции в эллинистическую эпоху.

Этой проблеме посвящены обе диссертации Жебелева – магистерская и докторская. Вообще за этот период ученый опубликовал около 200 работ, в том числе 4 монографии и 50 статей.

Мы остановимся на наиболее крупных работах Жебелева, важных для понимания его исторического мировоззрения.

Кандидатская диссертация Сергея Александровича выросла из большого студенческого сочинения. Отдельной книгой она вышла под названием «Религиозное врачевание в Древней Греции» в 1893 г. Это первая его крупная работа. В ней он предстает как последовательный ученик Ф.Ф. Соколова, который стоял на неокантианских позициях и считал, что к истине можно приблизиться путем тщательного, детального анализа документов. Видя в истории науку с отдельными, единичными, неповторимыми событиями, он отказывался от обобщений, от объяснения исторического процесса.

Уже в кандидатской диссертации Жебелева можно отметить черты, которые будут свойственны и последующим работам ученого: интерес к сакральной истории Древней Греции, привлечение широкого круга источников (археологических, эпиграфических, литературных), критическое отношение к авторитетам[1], аналитический характер работы (причем анализ строго основывался на фактах).

Предваряет его диссертацию обзор уже имеющейся литературы, но наличие публикаций не повлияло на выбор ученого, так как со времени издания этой литературы появилась масса новых источников. Целью своей работы Жебелев считает сопоставление новых данных с тем, что ранее было известно по вопросу о религиозном врачевании. В своей кандидатской диссертации он выясняет вопрос о времени появления инкубации, в частности врачебной, – приблизительно первая половина VI в. до н.э., порядок религиозного врачевания, истоки инкубации.

Темы магистерской и докторской диссертаций преемственны и в тематическом, и в хронологическом отношении. Магистерская диссертация посвящена истории Афин 229–31 гг. до н.э.[2] Автор руководствовался двумя побуждениями: внутренним и внешним. «К внутренним побуждениям он относит то, что падение Афин в это время понимают слишком преувеличено, а оно происходило постепенно. Попытаться же проследить историю падения Афин –

задача не бесполезная»[3], по мнению Жебелева. Называет он и внешнее побуждение: «Для рассмотрения эпохи автор мог воспользоваться в значительной степени сохранившимися до нашего времени документальными источниками, надписями, а для тех отделов афинской истории I–II вв., где надписей нет, автор мог воспользоваться хорошими литературными источниками»[4].

Жебелев берется за изучение периода почти не исследованного, так как «количество работ, посвященных изучению Афин в III, II и I вв. до Р. Хр., очень ограничено»[5]: две работы русских ученых по истории III в. на очень узкие темы (Соколова и Шукарева) и четыре работы, посвященные истории Афин в римское время, которые к тому же устарели. Называет в предисловии автор и общую работу по истории эллинизма – Гольм, автор «Греческой истории», т. IV, не считает, что «пока не будет произведено отдельных исследований, в области политических историй III в. и последующих, всякая попытка дать общую историю эллинизма вряд ли окажется удачною»[6].

Свое исследование Жебелев причисляет к отдельному исследованию в области истории эллинизма. Хронологические рамки его работы ограничены периодом со времени освобождения Афин от македонской зависимости до Актийской битвы. Свое внимание ученый акцентирует на изучении темного периода древнегреческой истории, с которым связана последняя попытка Афин восстановить свою традиционную демократию и политическую независимость.

Основной вопрос, который ставил перед собой Жебелев, – проследить историю падения Греции и утрату ею политической независимости. При этом нельзя согласиться с А.В. Мишулиным, который считает, что в силу тех позитивистских позиций, на которых стоял Сергей Александрович в то время, он не мог подняться до того, чтобы ставить перед собой задачу выяснить причины явления[7]. Он прямо писал, что «ограничил свою задачу рассмотрением исторических судеб Афин со времени их освобождения от македонской зависимости до Актийской битвы»[8]. Хотя объективно он действительно выявил и причины падения, не-

смотря на то, что вывода о причинах, обобщения о них он не делает.

Изучение проблемы, за которую берется автор, было сопряжено с определенными трудностями: основной материал – надписи – открывался в разное время, публиковался в различных книгах, но нигде не дана была их систематическая разработка. Публикации этих надписей были связаны с массой допущенных при их чтении ошибок, которые впервые в ходе исследования исправлялись С.А. Жебелевым.

«Нет возможности перечислить целые десятки, сотни случаев, где он при обычном критическом отношении исправляет существенные и менее существенные ошибки и неточности Курциуса, Дройзена, Диттенбергера, Гартгаузена, Германа, Герцберга, Оммаля, Колера, Лоллинга, Моммзена, Низе, Реймака и многих других», – писал А.В. Никитский, посвятивший в свое время книге Жебелева статью в Журнале Министерства народного просвещения[9].

На основании привлечения разнообразного круга источников автор воссоздал социально-политическую историю Афин III–I вв. до н.э., проследил историю дипломатического и военного вмешательства Рима во внутренние дела Афин, приведшего к установлению аристократического режима и падению независимости Греции.

Причем утрату самостоятельности в политической жизни Жебелев объясняет не внешними явлениями или случайностью исторической обстановки. К объяснению этого, по словам А.В. Мишулина, он привлекает «действительные и решающие силы афинского общества – кризис рабовладельческого общества, настроение масс, их социальную борьбу, зависимость этих явлений от внешней политики Македонии, а потом и Рима, измотавших и без того ослабленные силы греческого общества, в том числе и Афин»[10].

Но с высказыванием Мишулина можно согласиться лишь отчасти, так как о кризисе всего рабовладельческого общества, и в частности общества греческого, о том, что это общество зашло в тупик, о кризисе рабовладельческой системы Жебелев не писал. Хотя, действительно, он констатирует, что в рассматриваемый период постепенно

Афины и всю Грецию охватывает политический кризис, экономика приходит в расстройство, вспыхивают восстания рабов, народ, недовольный новым положением Греции, выступает против Рима. Но все эти правильные мысли остаются на уровне констатации фактов, глубоких выводов из этого не делается.

Как частный эпизод выступлений народа против Рима автор называет «димейскую революцию»[11]. Термин «революция» он отождествляет с терминами «восстание» и «бунт». Он не видит существенной разницы между этими понятиями. Революцию он фактически приравнивает к бунту. Жебелев, однако, правильно отмечал, что выступал народ, а не богачи, которые составляли Римскую партию в Диме. Жебелев видел практически процесс расслоения в среде господствующего класса, но не относил и тех и других к таковому. Причину расслоения он объясняет экономическим положением Аттики во II в. до н.э., полагая, что когда большинство населения разоряется, богатеет лишь меньшинство. Фактически он приближается к принятому в советской исторической науке положению: начиная с IV в. средний слой граждан, составляющий опору классического рабовладельческого общества, исчезает, и поскольку господствующий класс рабовладельцев неоднороден, между имущими и неимущими вспыхивает классовая борьба.

Заслугой Жебелева, на наш взгляд, является и то, что он говорит о существовании острой классовой борьбы, хотя самого термина и не вводит. Он сочувствует бедственному положению рабов: «...рабы рано или поздно должны потерять терпение – это вполне естественно» [12].

Жебелев пишет: «Рабам свойственно возмущаться всякий раз, когда на то предоставляется случай, тем более в описываемое нами время, когда серебряные рудники Лаврия находились в упадке, вследствие чего ценность рабов понизилась, с ними куда хуже обращались и менее бдительно за ними наблюдали»[13]. Наиболее крупные восстания рабов в Аттике он отмечает в 134–133 гг. до н.э. и в 104–100 гг. до н.э.

Несмотря на то что Жебелев не обходит вниманием экономику, социальные отношения, основной упор он дела-

ет на изложение политической и военной истории Афин, экономика же играет видную, но не решающую роль.

Признание большой роли экономического фактора не было связано с признанием общественно-экономической формации, как утверждает в советской исторической науке. Кроме того, экономика понимается им еще поверхностно. В основном экономику он сводит к торговле, отношениям обмена[14].

Первая крупная статья, посвященная магистерской диссертации Жебелева, появилась в Журнале Министерства народного просвещения в 1899 г. А.В. Никитинский автор статьи, положительно оценил диссертацию, ее значение он видел в том, что «для всякого нового приращения в области источников по этому периоду теперь гораздо легче отыскать соответствующее место и определить его значение, и, следовательно, легче и двигаться поступательно как в заполнении пробелов, так и в видоизменении прежних, не вполне прочных выводов, зависящих и от недостаточности, и от самого характера имеющихся источников»[15], так как эта работа является «первою по полноте и обстоятельности трактования наших до сих пор разбросанных и отрывочных источников»[16].

Учитель Жебелева Ф.Ф.Соколов, выступивший на защите диссертации оппонентом, назвал ее «прекрасной книгой, украшением нашей научной литературы»[17]. С этой оценкой нельзя не согласиться.

Продолжением магистерской диссертации и в хронологическом, и в тематическом отношении стала докторская диссертация Жебелева «Архаика». Под общим названием здесь объединяется несколько этюдов. И в этой области, как и в предыдущей, не было значительных специальных работ, кроме общих трудов Моммзена, Герцберга о Греции в период римского владычества и литературы, состоящей из небольших справочных статей в немецком и итальянском словарях (Паули – Виссола, Брандиса и др.).

Основным источником по-прежнему являются надписи, параллельно привлекаются и литературные, нумизматические, археологические источники. Но они находились в несистематизированном виде. «Самая тема, – писал Жебе-

лев, – не случайна. Она стоит в связи с нашей работой, посвященной истории Афин 229–231 гг. до Р. Хр.»[18].

Вопреки установившимся представлениям которых придерживались такие крупные ученые, как Герцберг, Марквардт, Герман, Гольм и другие, Жебелев в этом исследовании доказал, что в 146 г. не вся Греция составляла провинцию Ахайю, вслед за разрушением Коринфа в нее вошли Коринф, Фивы и Халкида. Только значительно позже к первоначально существовавшей провинции Ахайи были присоединены земли Ахейского союза в целом. Превращение же всех прочих земель в римскую провинцию совершилось уже в 30-х гг. I в. до н.э., в эпоху Августа.

О характере власти Рима и Греции Жебелев писал, что первоначальная территория (Фивы, Халкида, Коринф) «составляли непосредственные владения римлян в Греции, присоединены были провинции Македонии и находились в непосредственном подчинении»[19]. За решением основных дел, отличавшихся сложностью, «греки обращались к правителю Македонии, а если это приводило к мирному концу, то в разбор дела вмешивался сенат»[20].

Особую трудность представляло исследование внутренней жизни греческих общин. И.И. Толстой в статье, посвященной 50-летию научной деятельности академика Жебелева, писал: «Свобода, т.е. право самостоятельной власти, у греков после 146 года не была отнята римлянами, и в течение всего республиканского периода греческие общины сохраняли свое самоуправление. Разбирая материал эпиграфических памятников вплоть до времени Диоклетиана, Сергей Александрович не раз обращает внимание на то, что различные общины, входящие в состав поздней провинции Ахайи, пользовались самоуправлением и продолжали сохранять свою особую политическую организацию»[21]. На ряде примеров Жебелев показал, как эта внешне устойчивая политическая организация греческих общин постепенно теряла свое прежнее содержание и значение.

Если в магистерской диссертации Жебелев обращает внимание на экономику, которая является у него – одним из факторов тех или иных явлений, если он политическую, военную историю еще ставит во взаимосвязь с экономи-

кой, то, говоря о государственном устройстве, он вообще не считает нужным учитывать экономику, отрывая надстройку от базиса. Единственный раз он упоминает о печальном экономическом положении страны, когда пишет, что это привело к сокращению зажиточных граждан, следовательно, круга лиц, выполняющих обязанности государственных чиновников, так как существовал имущественный ценз.

Но это нельзя ставить в вину С.А. Жебелеву, так как для своего времени его исследование имело большое значение и соответствовало уровню развития науки в тот период. Кроме того, его вывод о времени организации Ахайи, о характере власти Рима и Греции до сих пор актуальны. Большой заслугой является систематизация источников, исправление ошибок в толковании источников, допущенных его предшественниками (Марквардом, Герцбергом, Беком и др.).

Если сравнивать магистерскую и докторскую диссертации, то можно сделать вывод, что в магистерской диссертации изложение отличается большей стройностью, последовательностью и охватом всех сторон жизни общества, хотя и не в одинаковой мере. Вторая тема им поставлена шире, она касается уже не только греческого полиса, но и провинции, включающей несколько общин. Эта работа не отличается последовательностью, да и сам Жебелев пишет, что это лишь отдельные эскизы, этюды.

Обе диссертации написаны Жебелевым с позитивистских позиций. Несмотря на то что в предисловиях магистерской диссертации он приводит высказывание Ф.Ф. Соколова о периодизации истории, фактически в этом вопросе Сергей Александрович идет дальше своего наставника. Федор Федорович отмечал, что историк может разделить свой труд на периоды для удобства изложения: «Историческое изложение не обходится без разделения на периоды; время – самое естественное и наиболее употребительное основание для деления исторических сочинений. Мы постоянно встречаем в таких сочинениях разделение на неровные периоды. Но какой бы мы не взяли промежуток времени, всякая историческая характеристика целого промежутка будет иметь условное значение и в приближении

своем будет оставаться еще очень далеко от «самой точности случившегося...»[22]. Ф.Ф. Соколов, таким образом, убежден, что историческое познание идет лишь в направлении действительности, но не может дать адекватного ее отражения. Кроме того, Ф.Ф. Соколов фактически отрицает научность периодизации, говоря о делении не истории, а исторических сочинений.

С.А. Жебелев же на практике выделяет периоды в самой истории. Так, например, он пишет: «что касается избранного нами начального предела – 229 год, год освобождения от македонской зависимости, все же открывает новую эру афинской истории»[23].

Но из этого высказывания об открытии новой эры нельзя выводить признание Жебелевым революционных скачков в историческом развитии. Он считает, что это поворотное событие, подготовленное в течение длительного времени, и результаты его также сказываются не сразу, проявляясь постепенно в течение последующего развития. Это типично позитивистские взгляды, для которых характерна мысль о постепенности развития, наличии множества переходных стадий между двумя историческими эпохами. Для С.А. Жебелева характерно также признание длительного существования одновременно старого и нового, переплетения обоих качеств. Таким образом, на основании анализа взглядов С.А. Жебелева можно сказать, что он сторонник теории эволюции. Ученый считает, что «всякое событие, и тем более важное и крупное, состоит из целого ряда событий и фактов и неразрывно связано с событиями и фактами предшествующими или последующими. С чего бы мы ни начали, мы прямо попадаем *in medias res*»[24], т. е. в середину событий.

С.А. Жебелев является и сторонником теории плюрализма. Изучение периода эллинизма он рекомендует начинать прежде всего с изучения политической внешней истории. Но вывод о том, что он на первый план выдвигает политический фактор, был бы поспешным, так как, характеризуя эллинизм как явление, ученый прежде всего рассматривает культурный фактор[25].

При изучении древней Греции С.А. Жебелев требовал

от исследователя рассмотрения дел древних не по сравнению с современным обществом, а соотносясь с воззрениями и образом мыслей самих эллинов, не увлекаясь ни предположениями, ни собственными политическими мнениями[26]. Историк, по его мнению, должен быть объективен и беспристрастен при изложении материала. Так, в заслугу Ф.Ф. Соколову он ставит его верность «горячему призыву к спокойствию, возможной беспристрастности и беспричастности для того, чтобы иметь возможность приблизиться к исторической истине»[27].

Для Сергея Александровича образцовой является «философская методика истории не на почве тех или иных отвлеченных теоретических построений, а при помощи конкретных данных»[28]. Несомненно, в своем стремлении быть объективным, исходить из конкретного фактического материала, С.А. Жебелев стоит на более прогрессивной позиции, чем многие западноевропейские ученые и некоторые русские, модернизовавшие историческое прошлое и искажавшие этим исторический процесс в соответствии со своими политическими воззрениями и классовыми интересами. Но, однако, и объективизм не позволяет проникнуть в сущность исторического процесса, понять его истинный смысл. В дореволюционный период творчества интересы С.А. Жебелева не ограничились только изучением истории эллинизма, его интересовали и вопросы археологии. Наиболее крупная работа в этой области «Пантикапейские Ниобиды». В ней рассмотрены 25 рельефных фигур «односторонок», служивших украшением саркофагов, найденных в Северном Причерноморье, причем обстоятельный свод всех наиболее важных памятников, относящихся к сказанию о Ниобе и ниобидах, был дан уже Зауэром. Но С.А. Жебелев поставил своей задачей изучение лишь пантикапейских памятников и выяснение их отношения к другим памятникам, иллюстрирующим тот же сюжет. Ученый высказал свое суждение об оригинале, послужившем источником вдохновения для пантикапейских мастеров в их работе. Таковым он считает «античное искусство V в. как в скульптуре (трон Зевса Олимпийского), так, быть может и в живописи»[29]. «Отзвуки сказываются в живописном характе-

ре исполнения пантикапейских фигур, выражающемся в передаче движений и особенно в мотивах драпировок»[30]. Но безусловно и то, по мнению С.А. Жебелева, что пантикапейские мастера приносили и свои самобытные элементы (в выполнении, композиции).

Касаясь этой работы С.А. Жебелева, необходимо отметить, что он действительно не только мастер анализа надписей, литературных, нумизматических памятников, но и мастер тонкого искусствоведческого анализа. Ему и в этой области удалось прийти к оригинальным выводам.

Большое место в творчестве С.А. Жебелева занимают переводы. Он автор перевода «Политики» Аристотеля. Вместе с переводческим коллективом он осуществил перевод всех сочинений Платона, усовершенствовал перевод «Истории» Фукидида, сделанный Ф.Г. Мищенко. «Политику» Аристотеля он не только перевел, но и снабдил заключительной статьей «Греческая политическая литература и «Политика» Аристотеля». Вопросы теории древних философов о «лучшем государственном строе» занимали значительное место в работе Сергея Александровича в период между 1905–1910 гг. Статья к «Политике» Аристотеля – результат его исследований в данной области.

В этой статье С.А. Жебелев проследил развитие греческой политической литературы. Зачатки политической мысли он видел еще в древнем памятнике греческой литературы – «Илиаде» Гомера. Прослеживает он политические воззрения в сочинениях Гесиода, Гераклита, Демокрита, софистов, Сократа, но считает, что «вряд ли можно говорить о собственно политической теории Сократа и его предшественников»[31].

Главными представителями политической философии греков С.А. Жебелев считает Аристотеля и Платона, причем он считает, что «своего высшего завершения политическая литература греков достигла в «Политике» Аристотеля»[32].

Совершенно верно автор статьи отмечает, что греческая политическая мысль «вращалась исключительно вокруг полиса»[33]. В связи с этим он дает определение полису, полагая, что этим словом греки пользовались для обозначения понятий и государства, и города, городской об-

щины. Следовательно, считает ученый, полис и есть «государство-город» и «только в силу своего приобщения к полису индивид становился гражданином и мог принимать участие в государственном быту»[34]. Причем рассматривая политическую литературу греков в доэллинистический период, С.А. Жебелев правильно заметил, что политическое мышление греков по названным причинам не могло выйти за рамки полиса. Определение же полиса только как «города-государства» нам кажется неверным. В данном случае мы присоединяемся к точке зрения С.Л. Утченко, который считал, что эта формулировка «создает обманчивое впечатление того, что одна-единственная “всеобъемлющая” дефиниция способна исчерпать суть вопроса, затем она не соответствует тому содержанию, которое вкладывали в понятие “полис” сами древние (в частности, они никогда не отождествляли понятия “полис” и “город”). И, наконец, не совсем ясно (без различных уточнений), в каком смысле употребляется в этом определении слово “государство”. С.Л. Утченко высказывает мнение, что «ближе к сути дела другое определение: полис – гражданская община»[35].

С.А. Жебелев раскрывает данное им определение полиса, он правильно отмечает партикуляризм жизни греков, который обусловил ограничение греческой политической мысли пределами «государства-города». Вообще в данной статье Сергей Александрович ставит развитие политической мысли в зависимость от развития государственных форм. Это является положительной чертой его труда, хотя автор оставляет в стороне социально-экономические условия развития политических воззрений и их классовую оценку. В этом отношении он находится на позиции исторического идеализма.

К 1911 г., когда С.А. Жебелев написал заключительную статью, у него уже появляется стремление проникнуть в суть явления, поставить его в зависимость от других явлений, выделить характерные черты, направления развития рассматриваемого процесса. Например, он выделяет в политической литературе с эпохи софистов два направления: реалистическое и идеалистическое[36]. Причем главным представителем первого он считает Аристотеля, второ-

го – Платона. Но философские направления он выделяет не в зависимости от решения ими основного вопроса философии, хотя стихийно, исходя из анализа исключительно политических воззрений Аристотеля и Платона, он подходит к пониманию сущности их философии, к пониманию того, что Платон был идеалистом (он предложил проект идеального государства и его сочинения «составлены были на идеалистической основе»[37]), и того, что Аристотель «хотя и должен был скорее примкнуть к реалистическому направлению», но «не удержался от того, чтобы не представить... своего проекта идеального государства», и объяснить это влиянием на Аристотеля его учителя – Платона. Таким образом, это уже близко к дальнейшему выводу, что по своим философским воззрениям, в частности политическим, Платон был идеалистом, а Аристотель, не до конца преодолев влияние Платона, сочетал материалистические и идеалистические черты.

В своих исследованиях С.А. Жебелев выступает как либерал, особенно наглядно это проявилось в статье «Греческая политическая литература», в той её части, где он высказывает точку зрения на государство.

Сергей Александрович большое значение придавал вопросу о государстве в истории Греции. Он считал, что греки признавали только одну форму государства – «государство-город», и видел, что в нем наряду с полноправными гражданами существовал многочисленный класс рабов и свободных, не пользующихся правами гражданства. Более того, он пишет, что «институт рабства как один из устоев греческой жизни не отважились колебать даже самые радикальные греческие мыслители»[38]. Этим ограничением, считал ученый, «политическая мысль греков была до известной степени скована в своем развитии и откинуть их она никогда не могла»[39].

С.А. Жебелев отмечает что государство в Греции прошло в своем развитии различные формы: монархию, аристократию, демократию, причем он считает, что последняя преобладала у народов Греции, и симпатии его на стороне демократии: «наиболее совершенным воплощением их государственного быта была демократия»[40]. Огромная

заслуга С.А. Жебелева и в том, что он увидел ограниченность этой демократии: во-первых, она не означает равноправия всех: исключаются рабы и не пользующиеся правами гражданства свободные. Во-вторых, «чем более осуществлялся на практике демократический принцип политического равенства, тем все очевиднее становилось, что он еще не ведет к полному благу государства»[41]. Да и провозглашение свобод еще не ведет к осуществлению их на практике. Так, «демократическое кредо гласило: всякий человек, принадлежащий к составу демоса, способен принимать участие в государственной жизни... На практике же выходило, что лишь обеспеченный человек имеет достаточный досуг», чтобы иметь возможность участвовать в государственной жизни. «Демократия, – пишет С.А. Жебелев, – была не в силах сгладить экономические противоречия между богатством и бедностью... И всеобщего блага далеко не было заметно»[42].

Но затем С.А. Жебелев встает на нейтральную позицию беспристрастного судьи и пишет, что «кто бы не находился у власти: тираны, меньшинство богатых, большинство бедных – все они стремились использовать власть в своих интересах». А отсюда делает вывод: чтобы было всем хорошо, «государственной власти надлежит быть выше социальных противоречий, раздирающих общество»[43]. Таким образом, он отстаивал тезис о возможности и благотворности «надклассового государства», не видя классового характера государства. Это, безусловно, позиция либерала. Вопрос о государстве – сложный, и В.И. Ленин указывал, что «едва ли найдется другой вопрос, столь запутанный умышленно и неумышленно представителями буржуазной науки, как вопрос о государстве». В.И. Ленин объяснял это тем, что данный вопрос «затрагивает интересы господствующих классов больше, чем какой-нибудь вопрос»[44].

Правильно осветив отдельные моменты афинской демократии, видя ее ограниченность, С.А. Жебелев, однако, не понимал классовую природу, рабовладельческий характер этой демократии, т.е. не воспринял марксистско-ленинскую методологию.

Симпатии к демократии были свойственны не только

ему, но и большинству русских ученых, причем в большей степени, чем западноевропейским историкам Античности. Коренятся же они в тех условиях, в которых шло развитие русской исторической науки – условиях монархического строя.

Заканчивая рассмотрение дореволюционного периода творчества С.А. Жебелева, нужно отметить, что его творчество характеризуется многими прогрессивными чертами. По утверждению Д.П. Каллистратова, «на Сергее Александровиче несравненно меньше, чем на других современных ему русских ученых, сказалось тлетворное влияние пороков буржуазной историографии»[45]. Хотя утверждение Д.П. Каллистратова носит идеологический характер.

Необходимо отметить внимание С.А. Жебелева к различным сторонам жизни греческого народа: экономической, политической, культурной. Не обходит вниманием он и вопросы, касающиеся восстания рабов, хотя это остается на уровне констатации фактов и не определяется как классовая борьба. Да и рабство им рассматривается как один из устоев жизни, а не основное классовое деление.

Для С.А. Жебелева свойственна глубокая научная добросовестность. Он не замалчивает факты, почерпнутые им из документов. Не свойствен ему и тенденциозный подбор фактов, а также гиперкритическое отношение к источнику. С.А. Жебелев – сторонник идеи прогрессивного развития и отдельные явления он исследует не в статике, а в развитии. Например, в развитии он рассматривает греческое государство и политическую литературу. Такой подход к явлениям общественной жизни – один из компонентов принципа историзма.

Кроме изложенного для С.А. Жебелева характерен интерес не к биографиям отдельных личностей, а к истории народных масс, что связано с общим направлением развития науки: «Изменилось самое направление в исторической науке, – писал В.П. Бузескул, – ...Спарта, Афины уже не заслоняют собой всего остального греческого мира... обнаружился интерес ко второстепенным греческим общинам. Внимание историков привлекают не только события, но и бытие, состояние, социально-экономическая сторона. Это

внимание сосредотачивается не столько на “деяниях” великих людей, сколько на жизни массы. Для изучения этих сторон греческой истории наш материал чрезвычайно возрос...»[46].

Несмотря на то что на первом плане у С.А. Жебелева находится последовательное описание фактов, устанавливаемых документально на основе скрупулезного, детального изучения источников, он объясняет их, что уже отличает его работу от работ Ф.Ф. Соколова, который провозглашал основной задачей описание фактов, но не их объяснение. Во введении к «Истории» Фукидида Сергей Александрович формулирует свое представление о задаче исторической науки таким образом: «Историческая наука, имеющая своим предметом не одно только воспроизведение фактов прошлого, но и объяснение их, иными словами, стремящаяся к восстановлению исторического процесса, должна развернуть картину тех условий, при которых этот исторический процесс развивался, дать представление о ходе исторического процесса и его разрешении в ту или иную сторону, о мотивах, приведших к тем или иным политическим предприятиям и стратегическим операциям и т.д.»[47].

Примечания:

1. Несмотря на существующее мнение Готье, Белькера, что врачебные средства не играли никакой роли в религиозном врачевании, Жебелев, опираясь на документальный материал, доказал, что они играли значительную роль, а многие из них в той или иной мере использовались и в его время.

2. *Жебелев С.А.* Из истории Афин 229–31 гг. до Р.Хр., СПб., 1898.

3. *Жебелев С.А.* Из истории Афин. С. XIII.

4. Там же. С. XIII–XIV.

5. Там же. С. VII–IX.

6. Там же. С. XII.

7. *Мишулин А.В.* Профессор С.А. Жебелев в русской науке по древней истории. Исторический журнал. 1944. № 1.

8. *Жебелев С.А.* Из истории Афин. С. XII.

9. *Никитский А.В.* С.А. Жебелев «Из Истории Афин 229–31 гг. до Р.Хр.» ЖМНП. 1899. № 5. С. 257.

10. *Мишулин А.В.* Указ. соч. С. 74.

11. *Жебелев С.А.* Из истории Афин. С. 224–225.

12. Там же. С. 218.

13. Там же. С.220.
14. Там же. С.191, 240, 266.
15. *Никитский А.В.* С.А. Жебелев «Из истории Афин». С.216.
16. Там же. С. 217.
17. *Мишулин А.В.* Указ. соч. С.74.
18. *Жебелев С.А.* Архаика. СПб., 1903. С.VIII.
19. Там же. С.39.
20. Там же. С.527.
21. *Толстой И.И.* Академик С.А. Жебелев в развитии русской историографии по античности. ВДИ. 1940. №1. С.42.
22. *Жебелев С.А.* Из истории Афин. С.XIV.
23. *Жебелев С.А.* Из истории Афин. С.XV.
24. Там же. С.XII.
25. Там же. С.XII.
26. *Жебелев С.А.* Древняя Греция. Ч.1. С.42.
27. *Жебелев С.А.* Ф.Ф. Соколов. С.33.
28. *Жебелев С.А.* Древняя Греция. Ч.1. С.46.
29. *Жебелев С.А.* Пантикапейские Ниобиды. СПб., 1901. С.49.
30. Там же. С.49.
31. *Жебелев С.А.* Греческая политическая литература и «Политика» Аристотеля. В кн. Аристотель «Политика». М., 1911. С.412.
32. Там же. С.382.
33. Там же. С.382.
34. Там же. С.382.
35. *Утченко С.Л.* Политические учения древнего Рима. М., 1977. С.19.
36. *Жебелев С.А.* Греческая политическая литература. С.441.
37. Там же. С.442.
38. Там же. С.442.
39. Там же. С.383.
40. Там же. С.385.
41. *Жебелев С.А.* Греческая политическая литература. С.384.
42. Там же. С.384–385.
43. Там же. С.386.
44. *Ленин В.И.* О государстве. Полное собрание сочинений. Т.39. С.66.
45. *Каллистратов Д.П.* Введение к сб. ст. Жебелева С.А. Северное Причерноморье. С.9.
46. *Бузескул В.П.* Изучение древностей северного побережья Черного моря и их значение с точки зрения греческой и мировой истории. Киев. 1927. С.3.